

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

дальность, но я стараюсь, чтобы мои герои были неоднозначны.

— Вы создали на экране галерею алкоголиков — социальное бедствие, трагедию несостоявшихся людей. В вашем подходе к ним есть что-то от Леонида Андреева. Он своих героев опускал «на дно», не оставляя им надежды на спасение, а вы нам это «дно» показали. Вы играете не мысль, а отсутствие ее. Это страшно. Мы видим, как убывает душа в человеке.

— Эта больная тема появилась на экране еще до всех постановлений, и я рад, что согласился работать... Да, это наша трагедия, она обрушилась на нас, как шквал, и хорошо, что мы сейчас так открыто говорим об этом. И кому, как не художнику говорить об этом.

Да, Слонов (фильм «Парад планет») на последнем витке, не выберется, но еще надеется, верит в чудо. Радуетса, может быть, последней маленькой радости — катит инвалида в коляске, не думая, кто он. А тут могут быть разные ассоциации. Может быть, это тот, кто сделал Слонова таким, какой-то бывший большой начальник, а он радуется. Все смешалось... Это тоже следствие нашей жизни.

— Ну вот сейчас, в период перестройки, идет восстановление норм человеческой жизни, отношений, мышления.

— Что значит «период перестройки»? Сколько времени это будет? Если мы осознали сегодня, что так жить нельзя, что надо жить по высоким меркам, давно выработанным человечеством — добро, справедливость, совестливость, — то уже пора и действовать! А сколько лет мы будем учиться демократии? Десять, как в школе, а потом еще пять?.. Да, мы учимся, но каждый раз должны сдавать экзамен в деле. Но сейчас, если говорить серьезно, часто сталкиваешься с тем, что сменились таблички — имя, фамилия, а методы руководства, взаимоотношений остались прежними.

И еще нам надо учиться осознавать значение слов. Вот говорим: «человеческий фактор»... А как горько бывает ощущать, что ты проработал много лет (я не о себе говорю), популярен, известен, а вот приходишь в Госкино или ВТО, а тебя спрашивают: «Кто вы такой?.. Из какой организации?» Этот факт неприятен. Значит, люди, которые по своей профессии обязаны нас знать, — не весь союз, а хотя бы по Москве — не ходят в театр, не смотрят кино, хотя обязаны это делать. Значит, аппарат раздут, он ненужный, никчемный. Люди сидят и не знают, для кого они работают, на кого и — что немаловажно — за счет кого они работают!..

— Коснусь «болевого» точки искусства. Конечно, нужна хорошая школа — и актерская, и режиссерская... Вот я вспомнила афоризм Ежи Леца: «Положительного героя не обязательно создавать. Достаточно его назначить». Может быть, и отсюда беды театра и кино?

— Конечно, режиссер должен уметь и показать актеру, как надо действовать, и оценить его работу. Но ему нужны и определенные человеческие качества. Кто сегодня режиссер?

Это большая нравственная проблема. Безнравственный человек не может руководить театром. Театр — это целое государство, это люди, это судьбы.

Можно, конечно, обвинить актера во всех грехах, но я не знаю ни одного здравомыслящего актера, который хотел бы стать режиссером. Ничего подобного! Актер хочет играть, иметь много ролей, лицедействовать и жить этим новым качеством! Это редчайший случай, когда актер логически выверенным путем идет к режиссуре. Он должен почувствовать в себе способность давать нечто большее, и тогда это происходит естественным путем. Лидер (это грубый, спортивный термин, его, по-моему, не надо было вводить в искусство), если уж говорить о спорте, выходит из группы, пройдя все этапы, побывав во всех майках. А его часто искусственно насаждают: «Вот к вам пришел лидер. Он вас спасет». А лидер ничем не подтверждает свое лидерство, начинает тянуть своих людей... А это давно знакомый лик, вчерашний день.

— Для вас нет альтернативы — кино или театр?

— Конечно, нет. Хотя для меня это разные вещи, пусть они и переплетаются многими гранями. Но для меня это два разных искусства. Разные выразительные средства и разная эстетика.

В кино больше техники — в прямом смысле, многое зависит от аппаратуры — освещения, камеры, от ножниц монтажера. Хотя в любом случае, как ты сработал, так в общем и остается.

В театре другие выразительные средства, другой посыл, другие эмоции и другие законы. Все спектакли разные. Бывают грандиозные спектакли! Тут влияет и «электричество» зрительного зала, его настроений и даже состояние луны и звезд. И день недели тоже влияет. Тут надо быть во всеоружии, не все можно учесть, но готовность всегда должна быть исключительная.

— Вам все ваши роли дороги, вы довольны вашими воплощениями?

— Мне все роли, сыгранные и в кино, и в театре, дороги, хотя и не все однозначны. Что-то лучше удалось, что-то меньше. По-особому дорого большинство ролей, сыгранных за восемнадцать лет работы в Театре им. М. Н. Ермоловой и которые теперь останутся только в памяти зрителя. Я ушел из театра, но не из театра вообще, для того, чтобы только сниматься в кино, а из этого театра. Так как три последних года, с приходом нового режиссера, в театре испаряется, по моему мнению, дух художественности. Много говорится о новой модели театра, об эксперименте, о новом мышлении, а на практике методы руководства, внутренняя политика в театре и моральный климат в коллективе отчетливо напоминают известный печальный опыт минувших десятилетий...

Но я живу верой. Я верю, что истинное искусство победит.

М. РЮРИКОВА.